

МИНСЕЛЬХОЗ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО
РЫБОЛОВСТВУ
(РОСРЫБОЛОВСТВО)
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ

Рождественский б-р, д. 12, Москва, 107996
Факс: (495) 628-19-04, 987-05-54 тел.: (495) 628-23-20
E-mail harbour@fishcom.ru
<http://fish.gov.ru>

30.04.2015 № 2485-ВВС/ЧМ

На № _____ от _____

О предоставлении научных материалов

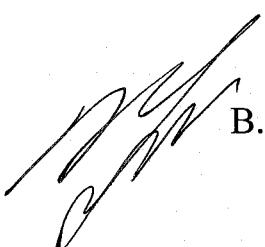
Директору Департамента
регулирования в сфере рыбного
хозяйства и аквакультуры
(рыбоводства)
Министерства сельского хозяйства
Российской Федерации

Е.С. Кацу

Уважаемый Евгений Семенович!

В соответствии с поручением Минсельхоза России от 27 апреля 2015 г. исх. № П11-21139 Федеральное агентство по рыболовству рассмотрело обращение Аппарата Правительства Российской Федерации по вопросу предоставления официальных материалов научно-исследовательских организаций, подписанные их руководителями, об экологическом и экономическом ущербе, причиняемом добычей (выловом) водных биоресурсов с применением плавных (дрифтерных) сетей и направляет информацию в форме приложения к настоящему письму.

Приложение: на 28 л.

B.V. Соколов

Об экологическом и экономическом ущербе при осуществлении дрифтерного промысла тихоокеанских лососей

В дискуссии по поводу целесообразности дрифтерного промысла тихоокеанских лососей сталкиваются две полярные точки зрения, высказываемые как в открытой печати (в том числе эмоционально экспертные), так и в служебной переписке.

Аргументы, обосновывающие запрет дрифтерного промысла

1. Если ранее дрифтерный промысел выступал в роли дополнительной промысловой мощности, снимавшей часть нагрузки на береговые рыбоперабатывающие предприятия, то в настоящее время весь объём, выделяемый на обеспечение дрифтерного промысла, можно успешно осваивать береговым промыслом с переработкой на береговых базах. Это будет способствовать развитию прибрежных регионов, для которых рыбохозяйственная деятельность является одной из основ экономики. На фоне намечающегося устойчивого снижения уловов лососей влияние дрифтерного промысла на их подходы к берегам особенно усиливается.

2. Происходит перехват немалой части наиболее ценных видов лососей у береговых предприятий и их неэффективное использование. При этом риски минимальны при высоких запасах и возрастают при снижении численности лососей, что и наблюдается в последние годы.

3. Хотя доля дрифтерного промысла лососей в 2000-е гг. составляет лишь несколько процентов от общего российского берегового вылова, он преимущественно ориентирован на вылов нерки и кеты, пользующихся наиболее высоким коммерческим спросом. По экспертной оценке, 50 процентов уловов нерки 2-го сорта и 80 процентов погибшей кеты и горбуши выбрасывается за борт. В среднем, оказывается, что при дрифтерном промысле для высокорентабельного вылова одной тонны нерки нужного сорта и качества уничтожается более 5 тонн рыбы другого вида, размерного ряда или сорта (прежде всего, горбуши, кеты, чавычи и кижуч). Потери от уничтожения улова горбуши в 4-14 раз превышают отчетные данные, поступающие с промысловых судов.

4. Высокая доля неполовозрелой молоди в уловах дрифтерных сетей - до 10-20% (в среднем 15%) может привести впоследствии к потенциальным потерям уловов на берегу, но самое главное - к изменению биологической структуры популяций, что, в конечном счете, скажется и на динамике численности. Такая проблема более явно просматривается для относительно малочисленных видов, например, чавычи.

5. Высокие риски биологическому разнообразию морской экосистемы в результате гибели морских птиц и млекопитающих, при этом существующая система не мотивирует участников промысла к снижению рисков и уменьшению воздействия. Недополученный доход от недоучета потерь прилова только морских птиц (без млекопитающих) на российском дрифтерном промысле (100 судосуток, 15 промысловых судов) составляет 238,3 млн. рублей.

6. В связи увеличивающимся российским дрифтерным промыслом в течении последних лет на ежегодных сессиях РЯСК японская сторона настаивала на участии России в расходах на воспроизводство лососей японского происхождения

(кеты), которая, по их данным, добывалась российскими дрифтерами в ИЭЗ Российской Федерации. До 2010 г. российской стороне удавалось уходить от этих претензий, ссылаясь на отсутствие промышленного лова лососей. Но при сохранении современного масштаба российского дрифтерного лова это вряд ли удастся и придется искать другие аргументы. В противном случае японцы могут отказаться платить за свою квоту в ИЭЗ России, что неизбежно приведет к пересмотру или денонсации соглашений с Японией «О взаимных отношениях в области рыболовства у побережий обеих стран» от 7 декабря 1984 г. и «О сотрудничестве в области рыбного хозяйства» от 12 мая 1985 г.

7. Могут возникнуть проблемы и с американской стороной, если в соответствии с российско-американским соглашением 1992 г. промышленный лов лососей российскими дрифтерами судами будет производиться за пределами 25 миль от берега (базисных линий) севернее 50 гр. северной широты. Все это может привести к исключению России из пятисторонней Конвенции 1992 г. «О сохранении запасов анадромных рыб в северной части Тихого океана» (НПАФК) и аннулированию всех международных усилий по сохранению тихоокеанских лососей.

8. Увеличение уловов береговых предприятий Камчатского края на 17 тыс. т лососей, добываемых ежегодно на дрифтерном промысле, может создать около 3825 рабочих мест, а налоговая отдача от выловленных лососей и реализованной продукции из них в бюджеты всех уровней составит 513,4 млн. руб. ежегодно.

Обобщив и проанализировав все имеющиеся материалы, ФГБНУ «ВНИРО» считает, что претензии к дрифтерному промыслу тихоокеанских лососей являются обоснованными.

*Директор
ФГБНУ „ВНИРО“*

М.К. Губковский

**Материалы ФГБНУ «КамчатНИРО»
об экологическом и экономическом ущербе, причиняемом добычей (выловом) водных биоресурсов с применением плавных (дрифтерных) сетей**

Современное состояние лососевых стад на российском Дальнем Востоке характеризуется наличием благоприятных условий для роста запасов видов со сложной возрастной структурой: а) с возрастной структурой, включающей пресноводный этап (нерка, кижуч, чавыча, сима); б) с наличием в онтогенезе эстуарного нагула, следовательно, длительного периода выхода непосредственно в морские прибрежья (кета). Поскольку ранний морской нагул скатившейся молоди лососей является, с одной стороны, критическим, с другой — определяющим для формирования численности поколений, следует констатировать, что в современную эпоху сложилась уникальная комбинация двух основных положительных факторов: минимума внешней конкуренции и устойчивого опережающего темпа роста термического режима в морских прибрежьях, способствующего безусловному и заблаговременному достижению физиологической нормы молодью к моменту океанических откочевок. На примере кеты Камчатки, Амура, Сахалина, нерки Камчатки, а также кижуча мы наблюдаем, что в описываемых благоприятных условиях вид способен удвоить численность за период, равный возрастному циклу одного поколения (4–6 лет), а за более продолжительный период увеличить ее многократно (табл. 1–2).

Для Камчатки важнейшей задачей стоит сохранение, в перспективе — преумножение установившегося высокого уровня воспроизводства популяций кеты и нерки — двух основных видов промысла (в сумме приблизившихся к былым годовым объемам вылова горбуши), особенно на фоне временно выпавшей из рыбопромыслового комплекса горбуши обеих линий западного побережья. В современный период на биоресурсы п-ва Камчатка перенесен основной пресс дрифтерного промысла (рис. 1): в июне (еще недавно — с мая) и июле — промысловому воздействию подвергается восточное побережье; в июле и августе облавливаются западнокамчатские рыбные стада, мигрирующие через Северо-Курильские проливы. Что осложняет выполнение вышеупомянутой задачи, особенно в отношении нерки.

Существует мнение о том, что в настоящее время морской (российский и японский дрифтерный) промысел не оказывает на запасы лососей российского Дальнего Востока какого-либо влияния, составляя от берегового улова 5–7% (рис. 2). При этом береговой улов рассматривается как совокупный многовидовой, где преобладает горбуша (60–70%). Но в соответствии с моновидовыми графиками по основным видам картина существенно меняется. Рисунок 3 демонстрирует, что дрифтерный улов нерки составляет в последние годы 8–9 тыс. т, или от 18% (2013 г.) до 36,2% (2008 г.) ее прибрежного вылова и сопоставим с береговым уловом усть-камчатской нерки периода 2006–2010 гг.

Таблица 1 — Кратность изменения вылова лососей в последнем 10-летии в нечетные годы (2013 г., в сравнении с 2005 годом)

Районы промысла	Горбуша	Кета	Нерка	Кижуч	Сима	Чавыча	Все виды
Чукотка	17,9	2,3	1,3				2,2
Карагинская п/з	0,8	2,8	2,9	202,7		4,1	1,0
Петропавл.- Командорская п/з	2,8	2,7	6,7	20,1		0,8	4,5
Западно-Камчатская п/з	0,2	5,4	6,3	51,2		0,5	1,9
Камчатско-Курильская п/з	0,6	6,3	2,2	738,6		0,9	2,5
Магаданская область	0,4	1,6					0,5
Хабаровский край	2,8	1,6	2,3	6,0			2,1
Амур и лиман	2,0	17,1					11,0
Северо-Западный Сахалин	5,6	23,0					7,4
Юго-Западный Сахалин	0,04						31,1
Восточный Сахалин	1,7						1,9
Южные Курилы	0,8						1,2
Северные Курилы	7,1	5,7	4,1	10,3		4,4	5,7
Приморье (Хабаровск. Край)	0,4						1,1
Приморье (Приморский. Край)	0,4				1,5		14,3
Все районы	1,3	5,9	2,8	30,8	4,2	0,9	1,8

Таблица 2 — Кратность изменения вылова лососей в последнем 10-летии в четные годы (2014 г., в сравнении с 2006 годом)

Районы промысла	Горбуша	Кета	Нерка	Кижуч	Сима	Чавыча	Все виды
Чукотка	248,1	2,7	0,9				2,1
Карагинская	2,1	3,2	2,1	2,4		1,7	2,4
Петропавл.- Командорская	15,8	3,4	2,9	7,2		0,9	3,7
Западно-Камчатская	0,2	1,9	7,4	33,9		0,5	0,9
Камчато-Курильская	0,2	2,8	1,1	79,6		0,4	0,8
Магаданская область	1,1	1,2		4,5			1,3
Хабаровский край	6,8	1,1	1,1	3,5			1,3
Амур и лиман	6,5	15,1					10,9
Северо-Западный Сахалин	8,9	40,1					26,0
Юго-Западный Сахалин	19,3						3,0
Восточный Сахалин	0,9	39,7					1,1
Южные Курилы	0,1						0,4
Северные Курилы	7,7	13,6	13,3	41,4		1,3	13,0
Приморье (Хабаровск. Край)	2,6						2,6
Приморье (Приморский. Край)	2,6				0,6		2,8
Все районы	0,76	4,2	1,5	14,8	0,8	0,9	1,3

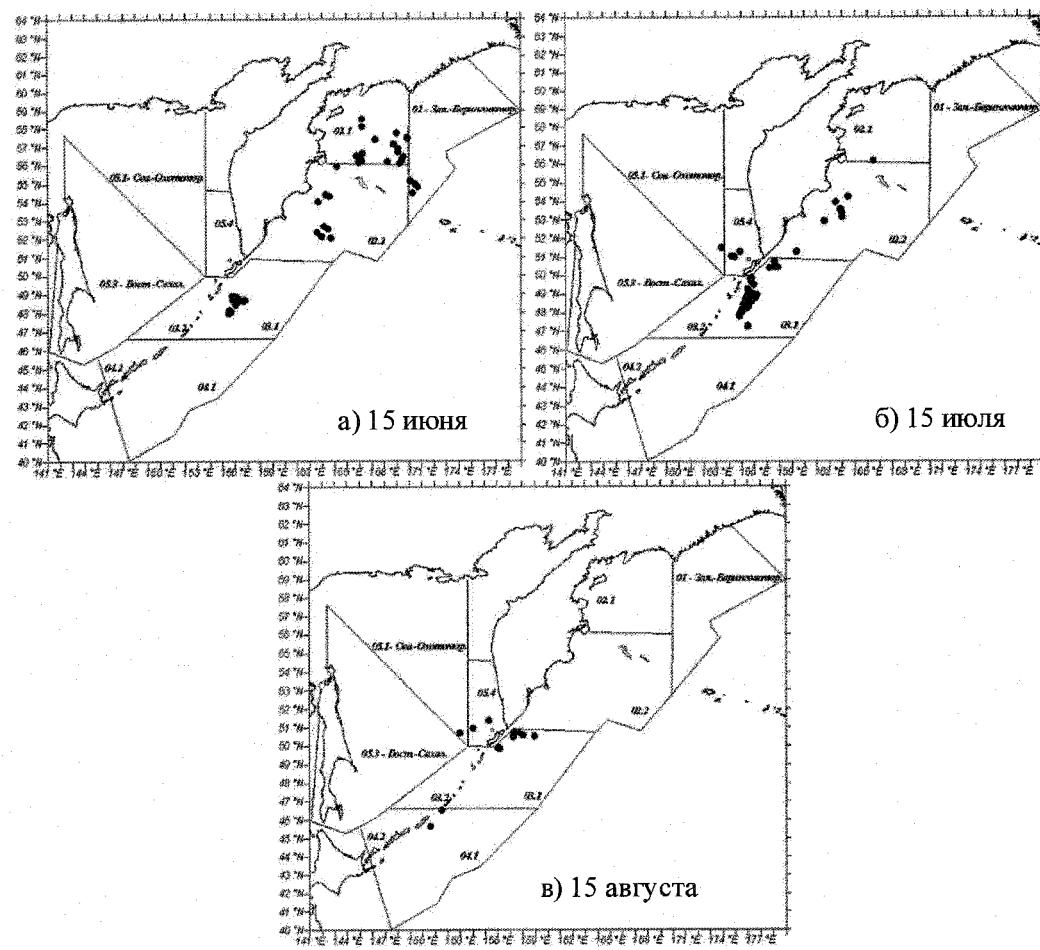

Рисунок 1 — Суточная работа российского и японского дрифтерных флотов по отдельным периодам в 2014 г.

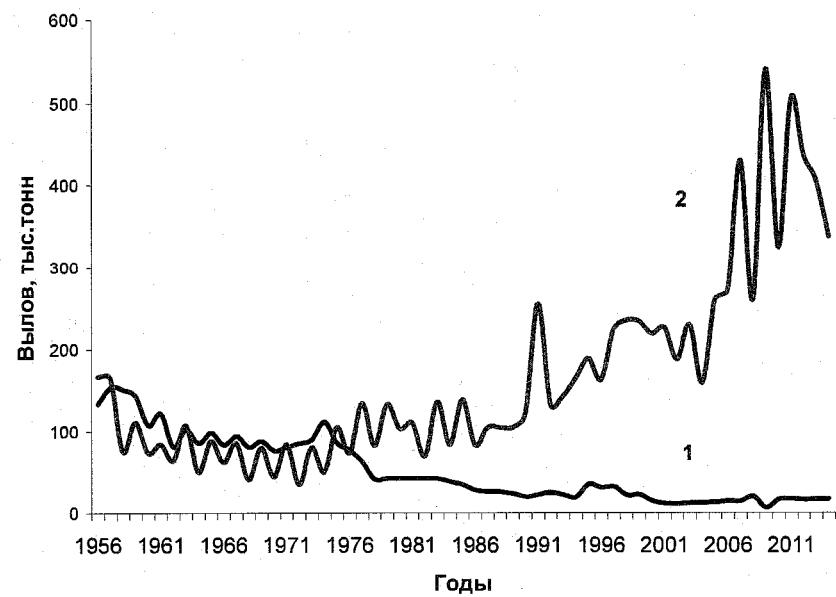

Рисунок 2 — Вылов лососей японскими и российскими судами в ИЭЗ России (1) и уловы России в прибрежных районах Дальнего Востока (2) в 1956–2014 гг., тыс. тонн («Материалы, обосновывающие общие допустимые уловы тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации на 2016 год»)

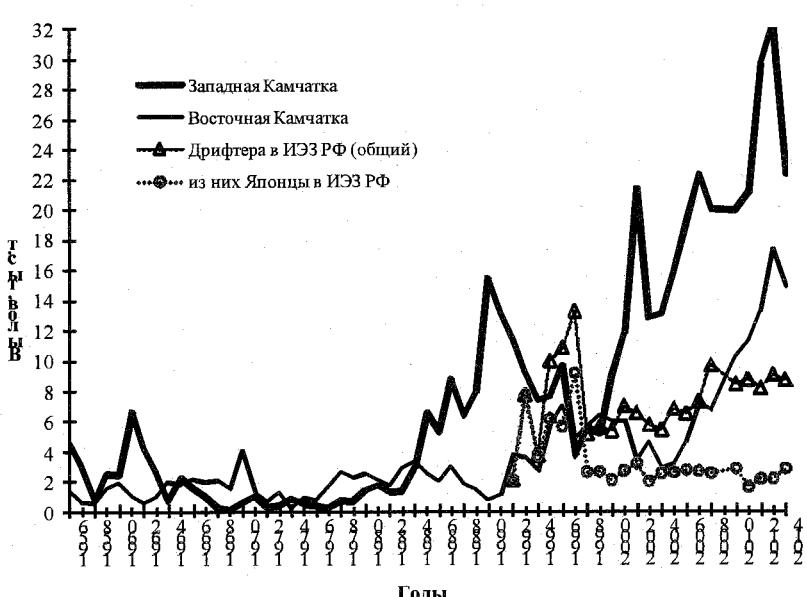

Рисунок 3 — Вылов нерки японскими и российскими судами в ИЭЗ России и ее уловы в прибрежных районах российского Дальнего Востока, тыс. тонн

Особенно остро стоит вопрос относительно стад нерки северо-востока Камчатки (реки Карагинско-Олюторского района). Стада нерки северо-востока Камчатки облавливаются в море преимущественно японским флотом. Российские дрифтеры также имеют незначительные квоты в Карагинской подзоне, однако ведут промысел, не углубляясь в район, а в непосредственной близости к его южной границе, облавливая нерку преимущественно усть-камчатского стада (существуют, по крайней мере, две причины такой тактики — минимизация контактов с многочисленным японским флотом и опасение натолкнуться на стадо мигрирующей карагинской горбушки).

Небольшое количество нерки второстепенных (северо-восточных) стад, безусловно, прилавливается российскими судами в Западно-Беринговоморской зоне на ранних стадиях миграции, но основной промысловый пресс в море эти стада испытывают именно от японского флота.

Можно с уверенностью говорить о серьезной зависимости берегового вылова нерки Северо-Восточной Камчатки от объемов ее дрифтерного изъятия в Карагинской подзоне (рис. 4), разумеется, с учетом определенного «шума» — прилова японскими дрифтерами некоторого количества усть-камчатской нерки в южной части промрайона.

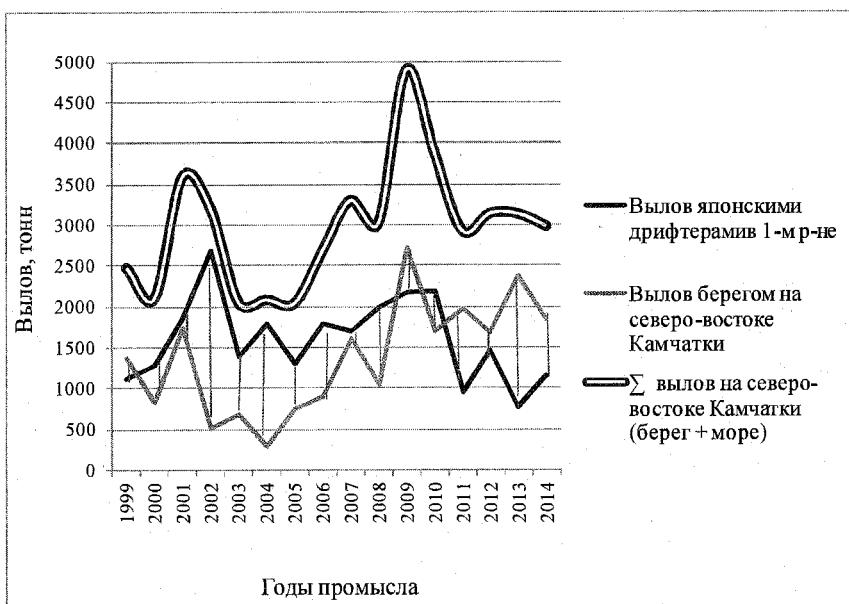

Рисунок 4 — Динамика береговых и морских уловов нерки в Карагинской подзоне

По нашим данным, максимальное негативное влияние дрифтерный промысел в Карагинской подзоне оказывал на береговой улов северо-восточных стад нерки при:

- а) низком уровне запаса ($r = -1,0$) и
- б) на восстанавливающемся запасе ($r = 0,8$) (табл. 3).

При этом изъятие японскими судами практически всегда значительно превышало российский береговой вылов:

- в условиях низких и растущих запасов морской улов составлял от 80 до 600% (в среднем 140–170%) от берегового вылова нерки на северо-востоке Камчатки;
- в благоприятный современный период (2010–2014 гг.) — от 30 до 130% (в среднем около 70%).

Таблица 3 — Значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и их оценка на основании t -критерия (уровень значимости 0,05) для зависимости береговых уловов нерки северо-востока Камчатки от морского вылова при различных уровнях состояния запасов

Характеристика запаса	Годы	Коэффициент корреляции	t эмпирический	t табличный
Снижение	2002–2004; 2009–2011	-0,367	1,044	1,895
Низкий уровень	1999–2000; 2003–2005	-1,000	∞	2,353
Восстановление	2000–2001; 2004–2009	0,821	3,215	2,015
Высокий уровень	2001–2002; 2007–2014	-0,491	1,594	1,860

Северо-восточные стада нерки воспроизводятся вблизи окраины ареала. Таким стадам присуща частая смена тенденций динамики численности. И хотя, как видно из табл. 3, 2013–2014 гг. вошли в группу лет с высоким уровнем запаса, суммирующая кривая на рис. 4 настораживает, показывая тенденцию на снижение.

Одним из выводов, исходя из приведенного выше материала, напрашивается необходимость полного запрета японского дрифтерного промысла в Карагинской подзоне.

Относительно российского флота, очевидна неэффективность его деятельности по реализации квот тихоокеанских лососей в Карагинской подзоне. По факту, под «карагинскими» объемами вылова в определенной степени выступают объемы, изымаемые на севере Петропавловско-Командорской подзоны (с северной стороны о. Беринга). При этом вносится дисбаланс в статистику морского вылова нерки и кеты, соответственно, восточнокамчатских (нерки — усть-камчатского стада) и северо-восточных стад. Это снижает ее надежность как прогностического элемента. Приемом, минимизирующим описанные эффекты в рамках поэтапного сокращения дрифтерного промысла, выступил отказ от выделения промышленных квот для российского дрифтерного флота в Карагинской подзоне (реализован в «Материалах обосновывающих общие допустимые уловы тихоокеанских лососей в исключительной экономической зоне Российской Федерации на 2016 год»).

От 0,9 до более 2 тыс. тонн нерки выбирается японскими рыбаками в Беринговом море. При полном запрете дрифтерного лова в Карагинской подзоне северо-восток Камчатки получает возможность влиться в общую на сегодня для западного и восточного побережий тенденцию роста запасов нерки.

В 2011–2014 гг. КамчатНИРО неоднократно выступал с инициативой о внесении изменений в п. 13.23 (в редакции по приказу ФАР № 671 от 06.07.2011), позднее — в п. 15.22 (в редакции по приказу Минсельхоза России № 385 от 21.10. 2013) Правил рыболовства для ДВ бассейна, в части запрета дрифтерного промысла до 31 мая (2011–2013 гг.) – 10 июня (2013–2014 гг.) на акваториях к северу от 53° с. ш. в Петропавловско-Командорской подзоне и к югу от 56° с. ш. в Западно-Беринговоморской зоне (рис. 5). Такая мера не позволит судам концентрировать

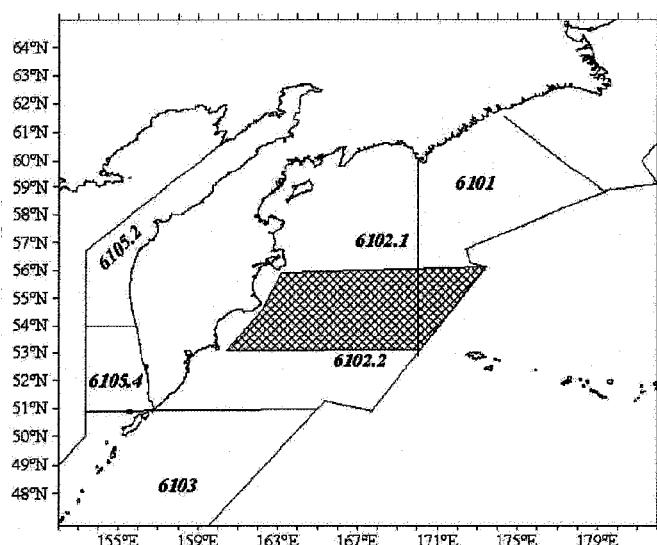

Рисунок 5 — Схема промысловых районов. Заштриховано — акватория изменения сроков начала дрифтерного промысла по предложениям КамчатНИРО

усилия на плотных скоплениях нерки р. Камчатка в период наибольших ее концентраций перед заходом в прибрежные воды Камчатского залива и сдвинет промысловый акцент в сторону более благополучного сегодня стада р. Озерная.

В 2014 г. началом дрифтерного промысла лососей в промрайонах ИЭЗ РФ в Беринговом море и СЗТО была установлена дата — 1 июня. Экспертная оценка итогов (относительно нерки) путин, протекавших в предыдущих и новых (2014 г.) условиях, проиллюстрирована в табл. 4 и на рис. 6. В список оцениваемых лет не введены 2012 и 2013 гг. с рекордными береговыми уловами нерки на Западной Камчатке, чтобы получить более ровную картину по полю береговых значений.

Таблица 4 — Вылов нерки двух значимых стад Камчатки в отдельные годы

Вылов (море + берег) соответствующего стада, тыс. т	Морской вылов (экспертная оценка)	Береговой вылов
2008 г.		
Р. Камчатка — 9,2	4,3 тыс. т. (47%)	4,9 тыс.т. (53%)
Реки Озерная и Большая — 23,3	3,9 тыс.т. (17%)	19,4 тыс.т. (83%)
2010 г.		
Р. Камчатка — 12,6	4,6 тыс. т. (37%)	8,0 тыс.т. (63%)
Реки Озерная и Большая — 22,0	3,0 тыс.т. (13,6%)	19,0 тыс.т. (83%)
2011 г.		
Р. Камчатка — 13,9	4,6 тыс. т. (33%)	9,3 тыс.т. (67%)
Реки Озерная и Большая — 23,3	3,5 тыс.т. (15%)	19,8 тыс.т. (85%)
2014 г.		
Р. Камчатка — 13,5	3,3 тыс. т. (24%)	10,2 тыс.т. (76%)
Реки Озерная и Большая — 25,5	4,0 тыс.т. (16%)	21,5 тыс.т. (84%)

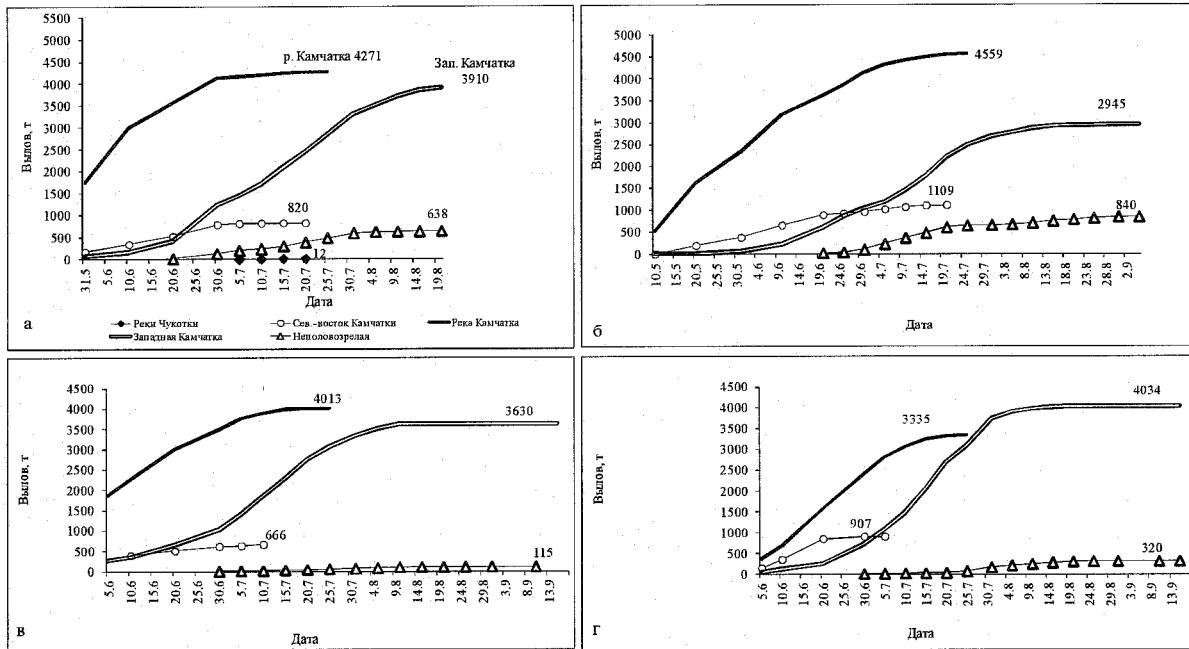

Рисунок 6 — Динамика дрифтерного изъятия нерки отдельных стад в 2008 (а), 2010 (б), 2011 (в) и 2014 (г) гг.

Из приведенных материалов видно, что в абсолютном выражении вылов в море нерки стада нерки р. Камчатки держался примерно на одном уровне, весьма незначительно варьируя даже в годы с запасом, разнявшимся в 1,5 раза (2008, 2010 и 2011 гг. — табл. 4). Это свидетельствует о том, что в диапазоне уровней запаса выше некоего минимума вылов есть функция рыболовного усилия и практически не зависит от запаса: дрифтерные уловы на судосутки в северной части подзоны остаются относительно постоянными, корреляции между этими показателями не выявлено ($R^2 = 0,0424$) (рис. 7а). Относительно постоянен и валовой вылов флотом при неизменности количества судов: рыболовные усилия в 2008, 2010, 2011 гг. идентичны (14–16 судов; период работы в миграционном ареале стада основной группы судов — около 2-х месяцев, включая май, меньшей части судов — до последней декады июля), близки и величины изъятия: от 4,3 до 4,6 тыс. тонн (рис. 7б).

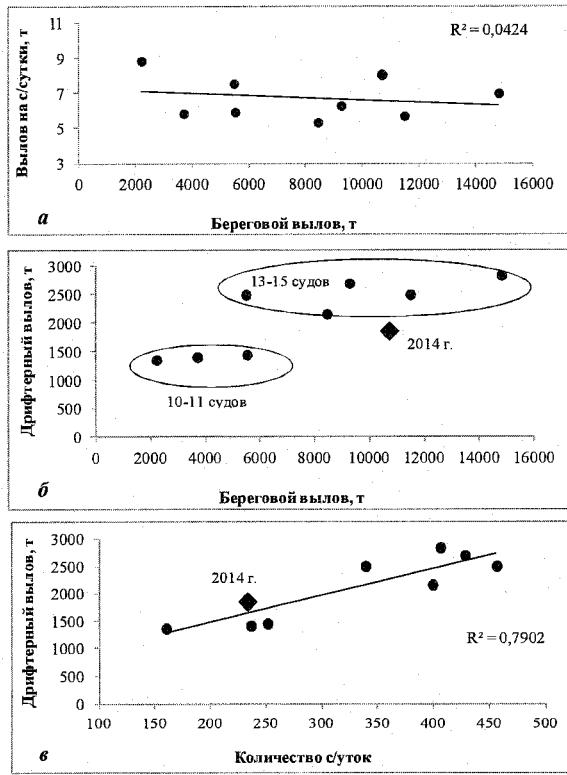

Рисунок 7 — Динамика уловов на усилие (а) и общего вылова нерки всем флотом в зависимости от мощности флота (б) и длительности промысловой эксплуатации стада (в) в период май–июнь 2005–2014 гг. в Петропавловско-Командорской подзоне

Решение вопроса ограничения воздействия дрифтерного промысла на стадо возможно, таким образом, влиянием на рыболовные усилия (Ерохин, 2014; Шеляков и др., 2014): снижением либо количества судов на промысле, либо периода промыслового воздействия (рис. 7в).

Сокращение промысла на месяц в 2014 г., соответственно, сокращение объема работ именно на миграционных путях усть-камчатской нерки в Петропавловско-

Командорской подзоне (где традиционно начинается дрифтерная путина), снизило вылов в море этого стада не менее чем на 1 тыс. тонн. В итоге:

- из двух примерно равнозначных по промысловому запасу нерки р. Камчатки сезонов (2011 и 2014 гг.) последний продемонстрировал более высокий береговой вылов;
- морской промысловый пресс на усть-камчатское стадо снизился в относительном выражении с трети до четверти (табл. 4).

За период 2006–2014 гг. лишь в 2014 г. вылов в море нерки Западной Камчатки оказался выше, чем нерки р. Камчатка. Рисунок 6г демонстрирует возрастание темпа освоения в море нерки Западной Камчатки — до 50 тонн за пентаду в июле, в сравнении с 20–35 т/пентаду в предшествующие годы, что свидетельствует о переориентации ловцов на более благополучное западнокамчатское стадо.

Таким образом, ослабление промыслового пресса путем переноса сроков лова на более поздние повлекло снижение морского вылова восточнокамчатской нерки.

С вытеснением японского флота из ИЭЗ РФ из-под промыслового пресса выходит 5–6 тыс. тонн добываемых ими лососей, а наряду с планируемыми и уже предпринимающимися ограничениями деятельности российского флота объем вы свобождающегося ресурса, вероятно, увеличится до 7–8 тыс. тонн, на 90% состоящего из двух наиболее востребованных видов: кеты (половина) и нерки (около 40%).

Рассматривая вопрос о прямом экологическом и экономическом ущербе, причиняемом непосредственно добычей (выловом) водных биоресурсов с применением плавных (дрифтерных) сетей, необходимо отметить, что он связан, прежде всего, с:

- масштабными приловами, наносящими вред отдельным популяциям морских птиц, млекопитающих и, вероятно, приводящими к негативным тенденциям их численности;
- масштабными выбросами малоценных видов рыб, оценка объемов которых находится в правовом поле контролирующих органов, но их наличие многократно отмечено различными природоохранными общественными организациями.

Таким образом, на основании вышеприведенного анализа имеющихся данных, считаем целесообразным запрет дрифтерного промысла.

Директор

О.М. Лапшин

Командорской подзоне (где традиционно начинается дрифтерная путина), снизило вылов в море этого стада не менее чем на 1 тыс. тонн. В итоге:

- из двух примерно равнозначных по промысловому запасу нерки р. Камчатки сезонов (2011 и 2014 гг.) последний продемонстрировал более высокий береговой вылов;
- морской промысловый пресс на усть-камчатское стадо снизился в относительном выражении с трети до четверти (табл. 4).

За период 2006–2014 гг. лишь в 2014 г. вылов в море нерки Западной Камчатки оказался выше, чем нерки р. Камчатка. Рисунок 6г демонстрирует возрастание темпа освоения в море нерки Западной Камчатки — до 50 тонн за пентаду в июле, в сравнении с 20–35 т/пентаду в предшествующие годы, что свидетельствует о переориентации ловцов на более благополучное западнокамчатское стадо.

Таким образом, ослабление промыслового пресса путем переноса сроков лова на более поздние повлекло снижение морского вылова восточнокамчатской нерки.

С вытеснением японского флота из ИЭЗ РФ из-под промыслового пресса выходит 5–6 тыс. тонн добываемых ими лососей, а наряду с планируемыми и уже предпринимающимися ограничениями деятельности российского флота объем вы свобождающегося ресурса, вероятно, увеличится до 7–8 тыс. тонн, на 90% состоящего из двух наиболее востребованных видов: кеты (половина) и нерки (около 40%).

Рассматривая вопрос о прямом экологическом и экономическом ущербе, причиняемом непосредственно добычей (выловом) водных биоресурсов с применением плавных (дрифтерных) сетей, необходимо отметить, что он связан, прежде всего, с:

- масштабными приловами, наносящими вред отдельным популяциям морских птиц, млекопитающих и, вероятно, приводящими к негативным тенденциям их численности;
- масштабными выбросами малоценных видов рыб, оценка объемов которых находится в правовом поле контролирующих органов, но их наличие многократно отмечено различными природоохранными общественными организациями.

Таким образом, на основании вышеприведенного анализа имеющихся данных, считаем целесообразным запрет дрифтерного промысла.

Директор

О.М. Лапшин

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ НЕГАТИВНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ ДРИФТЕРНОГО ПРОМЫСЛА ТИХООКЕАНСКИХ ЛОСОСЕЙ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. История дрифтерного промысла тихоокеанских лососей.

Дрифтерный промысел лососей российского происхождения у российских берегов начал осуществляться Японией в начале прошлого столетия. Его интенсивность была наибольшей в 1952-1977 гг., что привело к негативным последствиям для российского берегового промысла. Это отразилось в снижении запасов лососей на Камчатке, сворачивании деятельности береговых рыбопромысловых и рыбообрабатывающих предприятий.

С введением в 1978 г. исключительных экономических зон, японский масштабный дрифтерный промысел продолжался за пределами 200-мильной зоны России. В дальнейшем Соглашением между Правительством СССР и Правительством Японии в области рыбного хозяйства от 12 мая 1985 г. было определено, что промысел анадромных видов рыб ведется только в 200-мильных зонах. Также было решено, что в отношении промысла запасов анадромных видов, образующихся в реках СССР, в открытых водах, стороны проводят консультации, для принятия решений с учетом требований, касающихся сохранения видов, потребностей в них СССР и принимая во внимание обычный улов и метод ведения Японией такого промысла.

Однако принятие Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 46/215 от 20 декабря 1991 г., призывающей обеспечить осуществление глобального моратория на лов рыбы дрифтерными сетями большого размера в открытых водах Мирового океана, признающей при этом неблагоприятные социально-экономические последствия, и имплементация отдельных положений последующих резолюций, привели к прекращению такого промысла в северной части Тихого океана.

В последние тридцать лет японский дрифтерный промысел в ИЭЗ России осуществлялся в соответствии с Соглашением от 12 мая 1985 г. на платной основе. Промысловые объемы определялись на межправительственных консультациях и переговорах после ежегодных сессий Российско-Японской Смешанной комиссии по рыбному хозяйству, достигнув наибольшего уровня в 28,5 тыс. т к 1995 г. и составив к настоящему времени 11 тыс. т.

В этот период проходило и формирование российской добычи анадромных видов рыб дрифтерными сетями в ИЭЗ России. На

значительном этапе она осуществлялась в рамках контрольного научно-исследовательского лова. В это время декларируемой целью было получение данных об относительной численности видов и интенсивности миграций в период преданадромных перемещений, хотя действующее на тот момент законодательство позволяло коммерческое использование уловов, не ограничивая пользователей в выборе путей их реализации. Величины объемов выделяемых для добычи (вылова) были до 8 тыс. т, уступая объемам, выделяемым японским судам. Исключением является 2008 г., когда объемы, выделенные российским пользователям, впервые превысили объемы для японских.

После 2009 г. добыча (вылов) анадромных видов рыб с использованием дрифтерных сетей российскими пользователями осуществляется только в рамках промышленного рыболовства, для осуществления которого ежегодно выделяется порядка 11,5 тыс. т. Освоение этих объемов для последних двух лет составило 93-99 %.

Общий же объем квот, выделяемый для осуществления рыболовства российским и иностранным пользователям в ИЭЗ России, за пределами 12-мильной зоны составляет порядка 22,5 тыс. т.

2. Аргументы против ведения добычи (вылова) дрифтерными сетями.

В настоящее время существует ряд аргументов, ставящих под сомнение целесообразность ведения добычи (вылова) анадромных видов рыб дрифтерными сетями в ИЭЗ России, частично они опубликованы в открытой печати (*Шунтов, 2014*).

1. Если ранее дрифтерный промысел выступал в роли дополнительной промысловой мощности, снимавшей часть нагрузки на береговые рыбоперерабатывающие предприятия, то в настоящее время весь объем, выделяемый на обеспечение дрифтерного промысла, можно успешно осваивать береговым промыслом с переработкой на береговых базах. Это способствует развитию прибрежных регионов, для которых рыбохозяйственная деятельность является одной из основ экономики;

2. Регулирование рыболовства основывается на единицах запасов (популяции, стада). В ИЭЗ России в процессе дрифтерного промысла облавливается в разных соотношениях не менее 2-х десятков популяций, к тому же имеющих свою динамику численности, что, по крайней мере, учитывается при определении ВВ каждого вида лососей для берегового промысла в конкретных промысловых районах. Величина ОДУ для промысла дрифтерными сетями является, по сути, суммой набора квот, выделенных для

осуществления рыболовства, в объеме необходимом для поддержания рентабельности работ;

3. Невозможность установления адекватного состоянию запасов ОДУ увеличивает риски потенциального негативного влияния промысла на состояние запасов локальных популяций;

4. Высокие риски биологическому разнообразию морской экосистемы в результате гибели морских птиц и млекопитающих, при этом существующая система не мотивирует участников промысла к снижению рисков и уменьшению воздействия (*Артюхин и др. 2010; Моисеев, 2011*).

3. Влияние дрифтерного промысла на состояние лососевых стад.

Хотя доля дрифтерного промысла лососей в 2000-е гг. составляет лишь несколько процентов от общего российского берегового вылова, он преимущественно ориентирован на вылов нерки и кеты, пользующихся наиболее высоким коммерческим спросом. Так, с 2009 г. при осуществлении промышленного рыболовства российскими пользователями с использованием дрифтерных сетей доля нерки и кеты составляла порядка 6,8 и 3,4 тыс. т (60 и 30 % от общей квоты вылова), соответственно. При этом основная нагрузка при дрифтерном промысле этих видов приходится на стада, проходящие через Карагинскую (15 % от общей квоты) и Петропавловско-Командорскую подзоны (55 % от общей квоты). На Карагинскую подзону приходится и 55 % вылова этих видов от общей квоты Японии. Все это должно влиять на состояние стад (особенно, нерки), воспроизводящихся, в первую очередь, в реках восточного побережья Камчатки.

По данным идентификации, в юго-западной части Берингова моря в период дрифтерного промысла доминируют стада восточной Камчатки, составляя порядка 86 % от общего количества, южнее в тихоокеанских водах соотношение восточно-камчатских и западно-камчатских стад примерно равное, но здесь наблюдается смещение сроков миграций. Так в мае доминируют первые, в июле-августе – вторые. В тихоокеанских водах северных Курил в июле-августе доля западно-камчатских стад составляет уже порядка 86 % (*Бугаев, 2003, 2005, 2007*).

Анализ воздействия дрифтерного промысла на различные стада нерки показал, что в целом в 2000-е гг. среднемноголетняя интенсивность дрифтерного промысла нерки р. Камчатки (восточная Камчатка) выше, чем для р. Озерной (западная Камчатка) (соответственно 24,5 % и 11,7 % дрифтерного изъятия от общей численности производителей) (*Бугаев, 2011*). Уравнивание промысловых нагрузок на различные стада, в т. ч. с целью

обеспечения должного уровня воспроизводства, рассматривался как один из аргументов введения дополнительных мер регулирования дрифтерного промысла.

Смещение сроков начала дрифтерного промысла на 1 июня, осуществленное в 2014 г., по предварительным оценкам привело к перераспределению промысловых нагрузок на стадо р. Озерная (западная Камчатка) (Табл. 1 – 4, рис. 1). Сокращение промысла на месяц в 2014 г., соответственно и сокращение объема работ на миграционных путях усть-камчатской нерки в Петропавловск-Командорской подзоне (где традиционно начинается дрифтерный лов), снизило вылов в море этого стада не менее чем на 1 тыс. тонн. В итоге из двух примерно равноценных по промысловому запасу стад нерки р. Камчатки сезонов (2011 и 2014 гг.), последний продемонстрировал более высокий береговой вылов, а морской промысловый пресс на усть-камчатское стадо снизился в относительном выражении с трети до четверти (табл. 3-4).

За период 2006-2014 гг. лишь в 2014 г. вылов в море западно-камчатской нерки оказался выше, чем нерки р. Камчатка. Рисунок 1 г демонстрирует возрастание темпа освоения в море нерки западной Камчатки — до 50 тонн за пентаду в июле, в сравнении с 20-35 т/пентаду в предшествующие годы, что свидетельствует о переориентации ловцов на более благополучное западно-камчатское стадо.

При получении ряда повторяющихся результатов можно будет считать, что смещение сроков промысла может являться мерой сохранения основного стада восточно-камчатской нерки.

В тоже время, рассматривая динамику вылова можно отметить, что в абсолютном выражении вылов в море нерки стада р. Камчатки был на сходном уровне, весьма незначительно варьируя даже в годы с запасом, разнящимся в 1,5 раза (табл. 1 и 3). Это свидетельствует о том, что в диапазоне уровней запаса выше некоего минимума, вылов это функция рыболовного усилия, который практически не зависит от запаса. Так, дрифтерные уловы на судосутки в северной части Петропавловско-Командорской подзоны остаются относительно постоянными, корреляции между этими показателями не выявлено ($R^2 = 0,0424$) (рис. 2 а). Относительно постоянен и валовый вылов флотом при неизменности количества судов: рыболовные усилия в 2008, 2010, 2011 гг. идентичны (14-16 судов; период работы в миграционном ареале стада основной группы судов — около 2-х месяцев, включая май, меньшей части судов — до последней декады июля), близки и величины изъятия: от 4,3 до 4,6 тыс. тонн (рис. 2 б). Решение вопроса ограничения воздействия дрифтерного промысла

на восточно-камчатское стадо нерки, таким образом, возможно через влияние на рыболовные усилия (Ерохин, 2015; Шевляков и др., 2015): снижением либо количества судов на промысле, либо периода промыслового воздействия (рис. 2 в).

Таблица 1. Вылов нерки двух значимых стад Камчатки в путину 2008 года

Вылов (море + берег) соответствующего стада, тыс. т	Морской вылов	Береговой вылов
Р. Камчатка — 9,2	4,3 тыс. т. (47%)	4,9 тыс.т. (53%)
Реки Озерная и Большая — 23,3	3,9 тыс.т. (17%)	19,4 тыс.т. (83%)

Таблица 2. Вылов нерки двух значимых стад Камчатки в путину 2010 года

Вылов (море + берег) соответствующего стада, тыс. т	Морской вылов	Береговой вылов
Р. Камчатка — 12,6	4,6 тыс. т. (37%)	8,0 тыс.т. (63%)
Реки Озерная и Большая — 22,0	3,0 тыс.т. (13,6%)	19,0 тыс.т. (83%)

Таблица 3 Вылов нерки двух значимых стад Камчатки в путину 2011 года

Вылов (море + берег) соответствующего стада, тыс. т	Морской вылов	Береговой вылов
Р. Камчатка — 13,9	4,6 тыс. т. (33%)	9,3 тыс.т. (67%)
Реки Озерная и Большая — 23,3	3,5 тыс.т. (15%)	19,8 тыс.т. (85%)

Таблица 4. Вылов нерки двух значимых стад Камчатки в путину 2014 года

Вылов (море + берег) соответствующего стада, тыс. т	Морской вылов	Береговой вылов
Р. Камчатка — 13,5	3,3 тыс. т. (24%)	10,2 тыс.т. (76%)
Реки Озерная и Большая — 25,5	4,0 тыс.т. (16%)	21,5 тыс.т. (84%)

Однако на фоне явного перераспределения промыслового пресса на разные стада, и, как следствие, жесткого ограничения сроков промысла, остается вопрос о действенности подобных мер для сохранения запасов и обеспечение воспроизводства, в т. ч. через обеспечение дополнительного пропуска производителей на нерест. Особенно остро эта проблема стоит для ранней нерки нижних течений реки Камчатки. Предварительный анализ результатов авиаучетов по бассейну р. Камчатка показал, что *заполнение нерестилищ в 2014 г. оказалось одним из самых низких за десятилетие и едва превысило 50%-й рубеж от среднегодового. Тенденция снижения пропуска числа производителей наблюдается для нескольких последних лет и вклад морского промысла в это вряд ли определяющий. Фактически*

в 2014 г. изменение сроков привело только к перераспределению вылова в пользу береговых предприятий за счет морского лова.

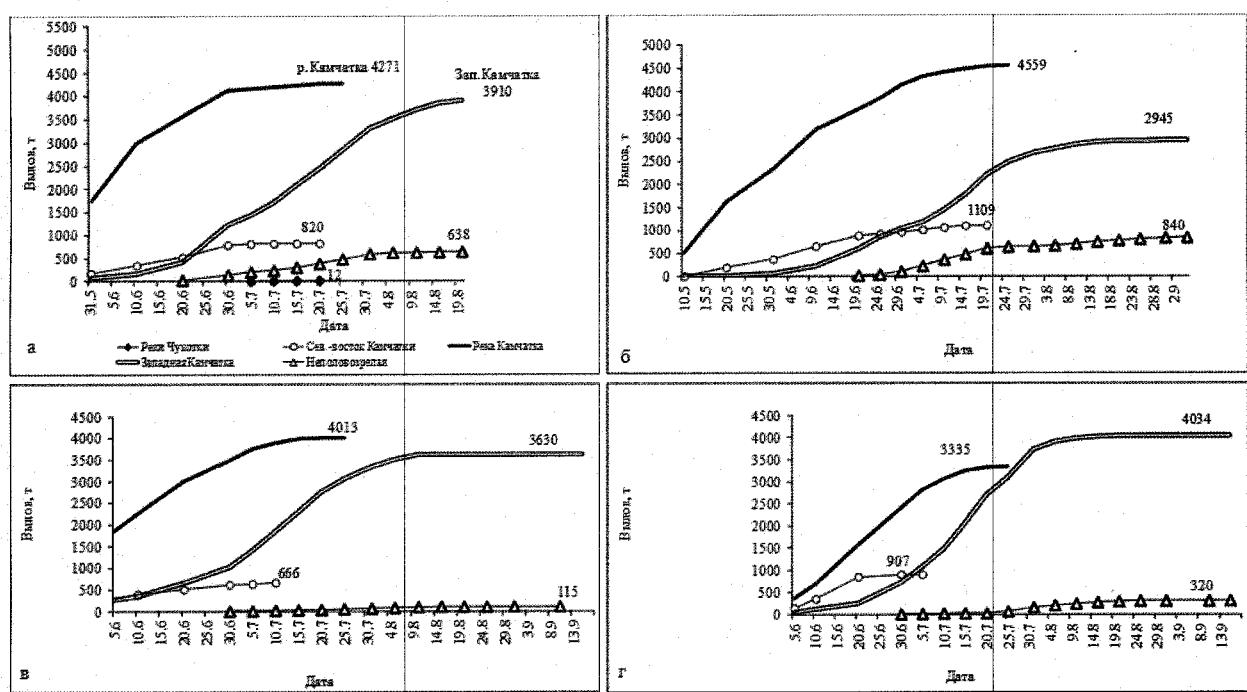

Рисунок 1. Динамика дрифтерного изъятия нерки отдельных стад в 2008 (а), 2010 (б), 2011 (в) и 2014 (г) гг.

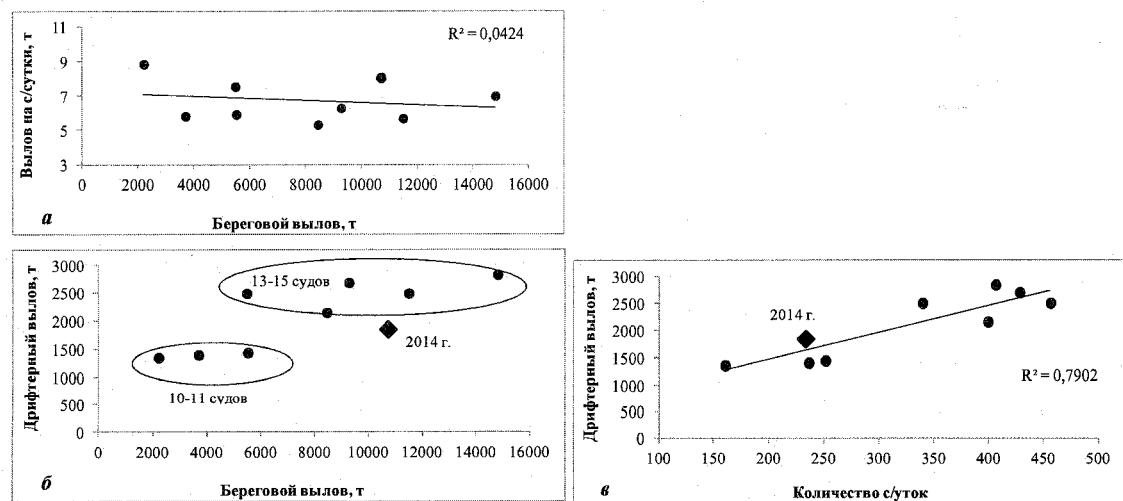

Рисунок 2 Динамика уловов на усилие (а) и общего вылова нерки всем флотом в зависимости от мощности флота (б) и длительности промысловой эксплуатации стада (в) в период май–июнь 2005–2014 гг. в Петропавловск-Камчадской подзоне.

Можно говорить и о зависимости берегового вылова нерки северо-восточной Камчатки от объемов ее дрифтерного изъятия в Карагинской подзоне (рис. 3), разумеется, с учетом определенного «шума» — прилова

японскими дрифтерами некоторого количества усть-камчатской нерки в южной части района.

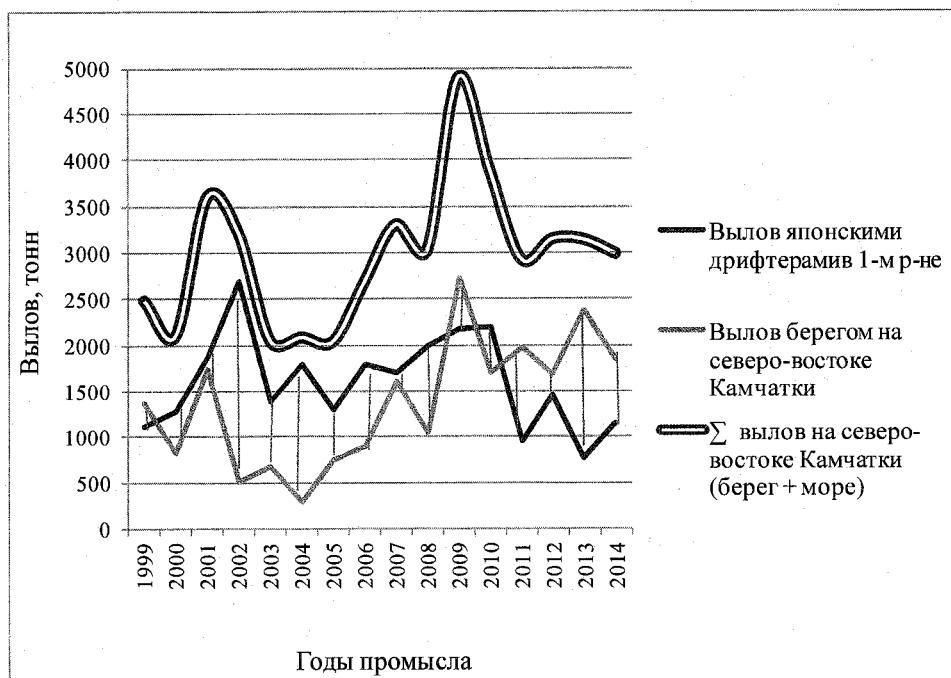

Рисунок 3. Динамика береговых и морских уловов нерки в Карагинской подзоне

Стада нерки северо-востока Камчатки облавливаются в море в основном японским флотом. Российские пользователи имеют незначительные квоты в Карагинской подзоне, однако ведут промысел, на южной периферии района, облавливая нерку преимущественно усть-камчатского стада, в том числе из-за минимизации контактов с японским флотом и опасения натолкнуться на стадо мигрирующей карагинской горбуши. Хотя определенное количество нерки небольших стад, безусловно, прилавливается российскими моряками в Западно-Беринговоморской зоне на ранних стадиях миграции.

Максимальное негативное влияние дрифтерный промысел в Карагинской подзоне оказывал на береговой улов северо-восточных стад нерки при низком уровне запаса ($r = -1,0$) и в период восстановления запаса ($r = 0,8$) (табл. 5: выделено).

При этом в условиях низких и растущих запасов изъятие японскими пользователями составляло 61-65 % от общего («берег + море») без учета улова трудно идентифицируемой по происхождению нерки - восток или северо-восток - в Западно-Беринговоморской зоне, а также российского в Карагинской подзоне). В период высоких запасов (2010-2014 гг.) изъятие японскими пользователями составляло от 31 до 39 %.

Таблица 5 Значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и их оценка на основании t-критерия (уровень значимости 0.05) для зависимости береговых уловов нерки северо-востока Камчатки от морского вылова при различных уровнях состояния запасов

Характеристика запаса	Годы	Коэффициент корреляции	t эмпирический	t табличный
Снижение	2002-2004; 2009-2011	-0,367	1,044	1,895
Низкий уровень	1999-2000; 2003-2005	-1,000	∞	2,353
Восстановление	2000-2001; 2004-2009	0,821	3,215	2,015
Высокий уровень	2001-2002; 2007-2014	-0,491	1,594	1,860

Данные по количественным оценкам доли рыб со следами объячеивания дрифтерными сетями (до 10 %) свидетельствует о том, что уровень промысловой нагрузки на чукотские популяции нерки близок к тому, который существовал в первой половине 1970-х гг. (Голуб, 2007). Необходимо отметить, что в путину 2014 г. по сравнению с 2009-2013 гг., доля рыб со следами объячеивания уменьшилась в 1,5 раза. В 2014 г. доля таких рыб была минимальной за 16 лет наблюдений. Возможно, это является позитивным следствием изменения сроков начала промысла. Однако на основании результатов одного года невозможно сделать корректное заключение о причинах подобных изменений.

К вышесказанному следует добавить и тот факт, что вероятность прилова крупной неполовозрелой молоди при промысле лососей дрифтерными сетями в бeringовоморском районе выше, чем в других районах. Данный район – основной район нагула молоди кеты, нерки, чавычи азиатских и американских стад. При этом в основном районе промысла дрифтерными сетями – олюторско-командорском, в летний период неполовозрелая молодь может по численности даже превосходить половозрелых рыб (рис. 4, 5, табл.6, 7). В результате, в дрифтерных уловах до 10-20 % (в среднем 15 %) составляет неполовозрелая молодь нерки (Бугаев, 2011). Это может привести впоследствии к потенциальным потерям уловов на берегу, но самое главное – к изменению биологической структуры популяций, что, в конечном счете, скажется и на динамике численности. Считается, что такая проблема особенно явно просматривается для относительно малочисленных видов, например чавычи.

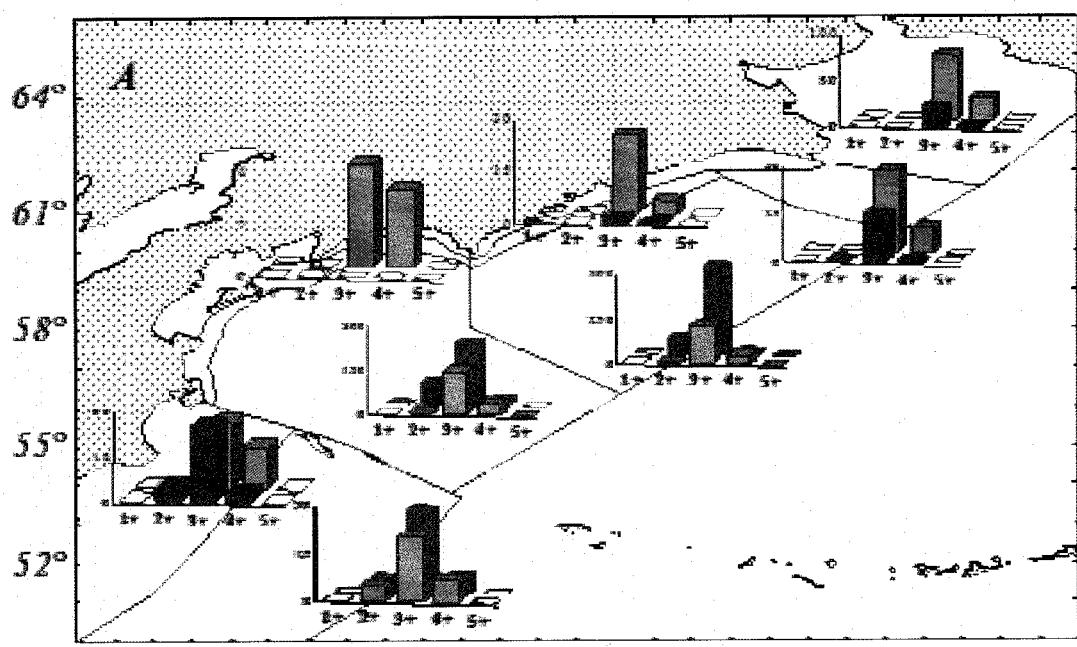

Рисунок 4. Возрастная структура кеты в западной части Берингова моря в июне-июле 2005 г. (Заволокин и др., 2006)

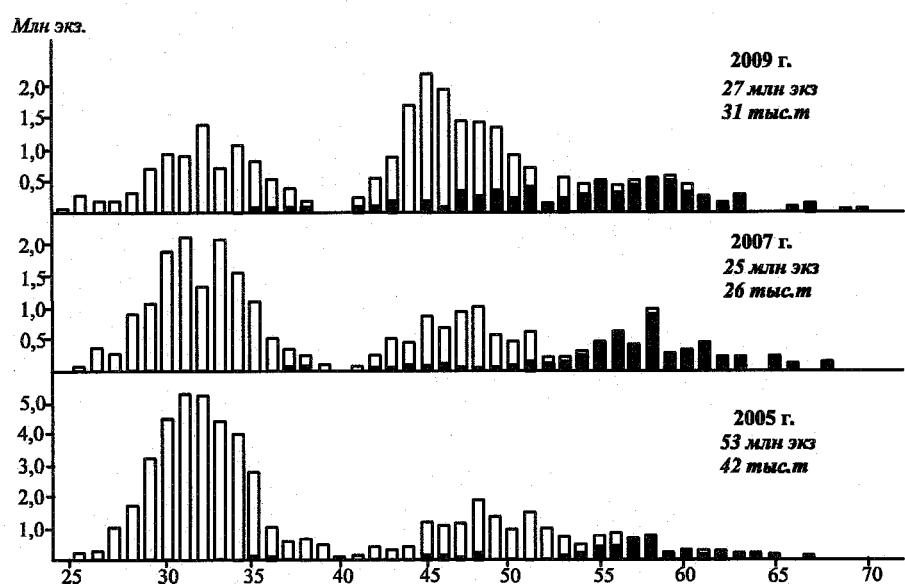

Рисунок 5. Размерный состав нерки в западной части Берингова моря и прикомандорских водах океана в июне начале июля 2005-2009 гг. Темным цветом выделены половозрелые особи (Шунтов, Темных, 2011).

Таблица 6 Численность кеты в западной части Берингова моря летом в 2000-е гг., млн экз. (Шунтов, Темных, 2011)

Годы и районы	Размерные группы			Всего
	30–42	43–53	54–80	
2005 (17.06–21.07)				
Корякско-анадырский				
неполовозрелая	0,1	24,5	24,3	48,9
половозрелая	–	3,32	35,73	39,05
Командорско-олюторский				
неполовозрелая	0,1	16,2	13,1	29,4
половозрелая	–	3,29	17,68	20,97
2007 (15.06–16.07)				
Корякско-анадырский				
неполовозрелая	12,3	27,0	17,5	56,8
половозрелая	–	14,7	94,7	109,4
Командорско-олюторский				
неполовозрелая	6,4	12,3	5,9	24,6
половозрелая	–	3,6	40,0	43,6
2009 (13.06–19.07)				
Корякско-анадырский				
неполовозрелая	5,9	41,6	9,9	57,4
половозрелая	+	8,2	32,7	40,9
Командорско-олюторский				
неполовозрелая	4,5	9,0	1,7	15,2
половозрелая	+	2,7	19,5	22,2

Таблица 7 Численность неполовозрелой чавычи в западной части Берингова моря летом в 2000-е гг., млн экз. (Шунтов, Темных, 2011)

Дата	Район	Размерные группы, см			Сумма
		25–47	48–61	62–80	
	Всего	33,52	7,24	0,23	40,99
17.06–21.07. 2005 г.	Анадырский	0,96	0,24	0,16	1,36
	Алеутская котловина	18,23	7,50	1,08	26,81
	Командорская котловина	0,30	0,08	0,15	0,53
	Всего	19,49	7,82	1,39	28,70
15.06–16.07. 2007 г.	Анадырский	0,17	0,17	0,04	0,38
	Алеутская котловина	2,60	1,95	0,21	4,76
	Командорская котловина	0,38	0,06	–	0,44
	Всего	3,15	2,18	0,25	5,58
21.06–19.07. 2009 г.	Анадырский	0,41	0,07	0,10	0,58
	Алеутская котловина	4,10	0,63	0,05	4,78
	Командорская котловина	0,40	–	–	0,40
	Всего	4,91	0,70	0,15	5,76

В дрифтерных уловах неполовозрелой чавычи в западной части Берингова моря в основном преобладают особи восточно-камчатских стад (Бугаев, 2004). Исторически отмечено уменьшение средних размеров производителей чавычи (рис. 6). С одной стороны это может в какой-то степени определяться селективным отбором более крупных особей дрифтерными орудиями лова. Подобное заключение делалось ранее в отношении нерки (Бугаев, 2011). С другой стороны устойчивое снижение средних размеров чавычи, например, на восточной Камчатке, наблюдалось и в период отсутствия дрифтерного лова в ИЭЗ России с 1978 по 1985 гг. Надо отметить, что уменьшение размеров нерки (как и некоторых других видов лососей) может быть объяснено и конкурентными отношениями между различными стадами лососей в условиях ограниченности кормовой базы (Кловач, 2003; Бугаев, 2002, 2011, Волобуев, Волобуев, 2002; Rogers, Ruggerone, 1993, Ruggerone, Nielsen, 2009 и др.). Однако, исследования ТИНРО-центра, связанные с изучением экологической емкости пелагиали дальневосточных морей и прилегающих тихоокеанских вод (Шунтов и др. 2010 а-г; Заволокин и др., 2007 а, б; Найденко, 2007; Шунтов, Темных, 2008, 2011) показали недостаточную обоснованность таких предположений, особенно в отношении чавычи, в питании которой помимо планктона преобладает нектон.

Рисунок 6 Береговой вылов чавычи и ее средние весовые размеры на западном и восточном побережьях Камчатки.

4. Влияние дрифтерного промысла на состояние популяций морских птиц и млекопитающих.

Как и любой другой промысел, вылов дрифтерными сетями оказывает потенциальное негативное влияние на окружающую среду. Уровень такого влияния, как правило, оценивается количеством погибших птиц и морских

млекопитающих. Проведенные на основании данных 1995-2008 гг. расчеты (*Артюхин и др., 2010*) показывают, что среднегодовая численность погибших птиц может составлять несколько десятков тысяч экземпляров, основу которых составляют буревестники, топорок и кайра (**табл. 7**). Общие же показатели прилова морских млекопитающих по этим данным в среднем составляют около 1,9 тыс. экз., при этом основу составляет наиболее высокочисленный вид морских млекопитающих дальневосточных морей - белокрылая морская свинья (**табл. 8**).

В целом проведенные в 2012-2013 гг. на дрифтерном промысле в Петропавловск-Камчатской подзоне и Северо-Курильской зоне наблюдения дают сходную картину численного соотношения птиц в прилове дрифтерных сетей - среди морских птиц преобладали тонкоклювый буревестник – 82,8 %, топорок – 10,8 %, глупыш – 4,6 %, кайра – 1,0 %, серая качурка – 0,8 %, хотя вследствие невозможности тотального учета на всех судах не могут подтвердить расчётную численность погибших птиц (**рис. 7**).

В тоже время адекватная оценка влияния смертности птиц и млекопитающих в дрифтерных сетях на состояние их популяций, например, в части снижения численности, или изменения функциональных структур стад отсутствует. При существующем уровне данных, учитывая существующие разрывы в периодах сбора и возможный недоучет, сделать это чрезвычайно трудно и оценка будет ближе к эмоциональной экспертной, что собственно и наблюдается в настоящее время.

Таблица 7 - Оценка смертности видов морских птиц (особи) на российском дрифтерном промысле лососей в ИЭЗ РФ, 1995-2008 гг. (Артюхин и др., 2010)

Вид	Всего за 1995–2008 гг.		В среднем за год*	
	<i>Me</i>	25%-75%	<i>M</i>	<i>CI</i>
Чернозобая гагара	173	125-221	12	11-14
Темноспинный альбатрос	656	474-838	47	40-54
Глупыш	33220	24014-42426	2373	2020-2725
Серый и тонкоклювый буревестники	224324	162162-286486	16023	13644-18403
Сизая качурка	622	450-794	45	38-51
Средний поморник	35	25-45	3	2-3
Тихоокеанская чайка	35	25-45	3	2-3
Моевка	380	275-485	27	23-31
Красноногая говорушка	35	25-45	3	2-3
Тонкоклювая и тростоклювая кайры	118274	85499-151049	8448	7194-9703
Старик	1623	1173-2073	116	99-133
Алеутский пыжик	35	25-45	3	2-3
Большая конюга	44754	32352-57156	3197	2722-3671
Конюга-крошка	2832	2047-3617	202	172-232
Белобрюшка	553	400-706	40	34-45
Тупик-носорог	35	25-45	3	2-3
Ипатка	4006	2896-5116	286	244-329
Топорок	185061	133779-236343	13219	11256-15181
Птицы неустановленного вида	28731	20769-36693	2052	1747-2357
Все птицы	645384	466543-824225	46099	39254-52944

* Вычислено на основе оценки ежегодной смертности каждого вида

Таблица 8 Среднегодовые показатели прилова по видам морских млекопитающих (особи) в сети на японском и российском дрифтерном промысле лососей в ИЭЗ РФ, 1992-2008 гг. (Артюхин и др., 2010)

Вид	M	Cl
Белокрылая морская свинья	1530	1204-1857
Обыкновенная морская свинья	85	53-117
Тихоокеанский белобокий дельфин	3	2-5
Афалина		0-17
Косатка	3	3-4
Кашалот	<1	0-1
Клюворыл	4	1-7
Горбач	4	3-5
Малый полосатик	1	0-4
Крупные киты неустановленного вида	4	3-6
Крылатка	128	89-168
Ларга	2	1-4
Кольчатая нерпа	1	0-2
Настоящие тюлени неустановленного вида	2	1-2
Северный морской котик	135	102-168
Сивуч	<1	0-1
Итого	19909	1512-2306

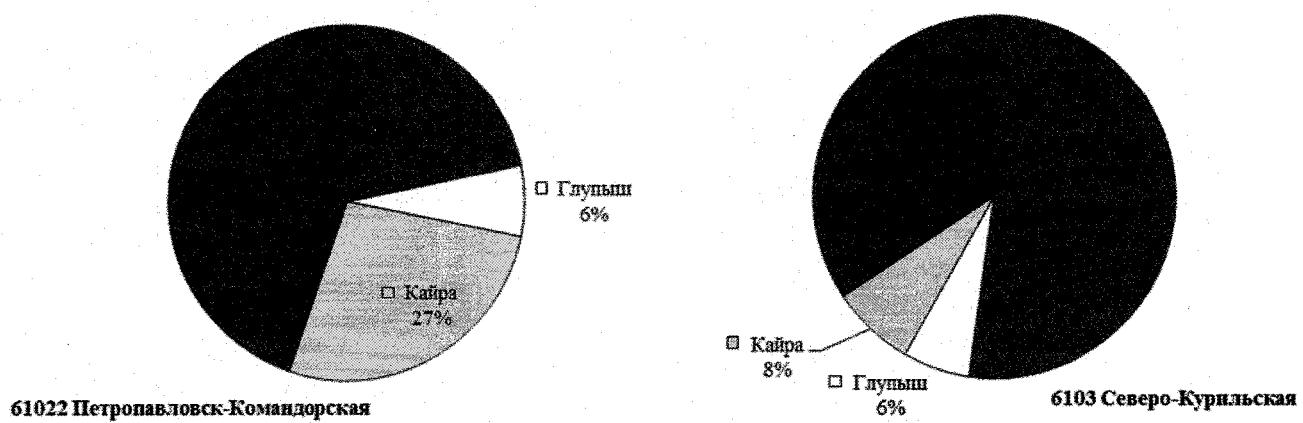

Рисунок 7 Численное соотношение птиц в уловах дрифтерных сетей в различных районах в 2012 г.

Заключение

Хотя в настоящее время добыча (вылов) дрифтерными сетями достаточно стабильна и вклад этого промысла не определяет общего вылова, он, также как и любой другой промысел, влияет на уровень численности нерки рек Камчатка и Озерная, существуют и риски для других азиатских стад. Кроме того, просматриваются и иные риски. Так, действующие в настоящее время организационно-административные решения, определяющие работу судов дрифтерного лова, сформированы в период высокого уровня численности тихоокеанских лососей и их результативность в период уменьшения численности может быть не высока. С другой стороны, пока ограничения, вводимые для морского промысла, показывают результативность только в части береговых уловов, не отражаясь на улучшении воспроизводства. Дальнейшее ужесточение мер регулирования морского промысла, равно как и его запрет, без адекватных дополнительных мер для берегового промысла, направленных вместе на снижение рисков негативного влияния промысла на состояние запасов, не приведет к положительному результату.

Уменьшение рисков морского промысла для популяций может идти либо через изменение сроков лова, либо количества судов и районов. В первом случае надо учитывать, что смещение сроков дрифтерного промысла на отдельных участках вполне может привести к увеличению пресса морского вылова на небольшие по численности стада. Так, смещение сроков начала лова на 10 июня к северу от 54°30'с. ш. в Петропавловск-Командорской подзоне и к югу от 56 °с. ш. в Западно-Беринговоморской зоне, вполне может привести к увеличению пресса промысла на нерку северо-востока Камчатки и Чукотки, мигрирующую в это время через районы, где начало промысла с 1 июня сохранится. Во-втором, возможно рациональным будет перераспределить промысловую нагрузку из северной части Дальневосточных вод, на южные районы - в тихоокеанские подзоны. Однако такое перераспределение вполне может привести к потере экономической целесообразности добычи дрифтерными сетями и прекращению промысла, который ведется всеми странами членами НПАФК.

Еще одной мерой ограничивающей излишнее влияние морского промысла на запасы лососей может стать установление ОДУ в объемах, адекватных состоянию запасов, по крайней мере, основных промысловых популяций. Хотя фиксация доли квоты в зависимости от запаса вида, а не абсолютной величины, а также равномерной нагрузки на стада, пропорциональные численности каждого стада, в настоящий момент –

1. Сохранение в существующих рамках, с постепенным изменением, в том числе через разработку и внедрение дополнительных мер регулирования учитывающих состояние запасов и снижение рисков для популяций.

Как первый этап таких изменений может быть предложено:

- а) установление ОДУ в объемах адекватных состоянию запасов, по крайней мере, основных промысловых популяций;
- б) ограничение промысла малых популяций северо-востока Камчатки и Чукотки;
- в) частичное перераспределение промысла на тихоокеанские подзоны;
- г) организация планового и всеобъемлющего сбора данных по приловам, в том числе морских млекопитающих и птиц для оценки реального ущерба их популяциям.

2. Постепенное сворачивание.

При реализации такого решения необходимо учитывать как финансовые, так и репутационные потери, в т. ч. связанные с Соглашением от 12 мая 1985 г., (вклад в бюджет этого Соглашения в 2014 г. составил более 2,2 млрд. иен (порядка 23 млн. долл. США), включая компенсационные поставки оборудования на сумму 2,5-2,8 млн. долл. США), так и социально-экономические проблемы. По сути, ресурсная база необходимая для обеспечения высвобождаемых российских специализированных судов довольно ограничена. При сохранении дрифтерного способа лова это только кальмар Бартрама, промысел которого может вестись в южной части Южно-Курильской зоны, однако его рынок сбыта ограничен, что связано с высокими затратами на промысел. Как альтернатива может рассматриваться промысел сайры и тихоокеанского кальмара. Однако в этом случае необходимо существенное переоборудование судов, затраты на такое переоборудование очень высоки.

Справка подготовлена:

Гл. н.с. ФГБНУ «ТИНРО-Центр» Темных О.С.

Зав. НИО ФГБНУ «ТИНРО-Центр» Байталюк А.А.

Зам. директора ФГБНУ «ТИНРО-Центр» Мельников И.В.

Директор ФГБНУ «ТИНРО-Центр»,
профессор

Л.Н. Бочаров

